

о стиле, автор отмечает, что некоторые иконы исполнены “в деликатном стиле миниатюр”, в котором видны черты константинопольского стиля эпохи Македонского Ренессанса. По мнению автора, художник этого складня получил выучку в столице, но икона была выполнена на Синае. На это, в частности, указывают надписи-биллинги, греческие и грузинские. Литургическая программа икон-календарей связана и с монументальным искусством, а также, в более широком плане, она воплощает “богословские идеи в контексте единства литургических искусств в Византии”. Г. Галаварис указывает на одну проблему агиологии: на иконах встречаются изображения святых, имена которых отсутствуют в синаксарях. Это свидетельствует о различных местных традициях почитания святых.

Поскольку автор излагает во введении свои основные наблюдения и выводы, оно отчасти служит и заключением.

Далее следует общее описание памятника, сведения о его размерах (высота 48,1 см, ширина до 36,8 см, толщина до 1,9 см.), состоянии и расположении сцен. На левой створке находится пять изображений Богоматери и сцены из Нового Завета. Четыре створки содержат изображения святых, сгруппированные в хронологической последовательности, начиная с сентября, по три месяца на каждой створке. На правой створке складня изображен Страшный суд. На оборотной стороне каждой створки изображен крест с удлинённой нижней ветвью.

Основную часть книги Г. Галавариса (с. 25–135) составляет детальное систематическое описание каждой створки иконы и каждого изображения, с сопровождающими их надписями. Здесь же приводятся подробные иконографические наблюдения, указывается широкий круг аналогий, особенно многочисленных среди рукописей из разных собраний, в том числе из Государственного Исторического музея (Москва). Особый раздел посвящен надписям на обороте иконы.

Последний раздел исследования содержит выводы об особенностях иконографии и стиля этой иконы, которая отражает константинопольское искусство второй половины XI в. Книга завершается библиографией. Все иллюстрации цветные, высокого качества, из них 16 таблиц формата книги и одна вклейка, на которой представлена полная реконструкция всех шести створок складня, их лицевой и оборотной сторон.

Монография Г. Галавариса является хорошим образцом жанра “издание памятника”.

Л.Г. Хрушкова

Ćurčić S. Architecture in the Balkans. From Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven; London: Yale University Press, 2010. XII + 608 p., 600 b/w + 100 color ill.

Объемная книга профессора Принстонского университета, выдающегося исследователя византийской архитектуры Слободана Чурчича посвящена истории архитектуры Балканского полуострова с III по XVI в. Слободан Чурчич известен как историк византийской и сербской архитектуры, автор нескольких десятков научных статей, посвященных прежде всего византийским памятникам, и обширной монографии, посвященной особенностям композиции и декора монастырского собора в Грачанице, шедевра сербско-византийской архитектуры XIV в. (эта книга вышла как на английском, так и на сербском языках).

Новый труд – яркая попытка рассказать все известное автору, собрать все сведения, выстроить общую картину архитектурной жизни обширного региона. И тут возникает первый вопрос: почему выбран этот регион? Если думать о балканских, сербских корнях автора, то это – только поверхностное объяснение. На самом деле

регион, видимо, выбран потому, что он осознан исследователем как целое, как единое архитектурное пространство, существовавшее на протяжении двенадцати веков и разрушенное (или радикально измененное) только с приходом турок. Это пространство географически совпадает с землями запада Византийской империи, но не полностью: из него фактически исключена архитектура островов Эгейского моря (эта архитектура ближе к малоазийской? – ответа автор не дает). Кроме того, нет в книге и архитектуры задунайских княжеств, Валахии и Молдавии. Их исключение из исследования, хотя и оговоренное автором, все же является особой проблемой: это исключение заставит будущих исследователей искать пути соотношения архитектуры этих двух княжеств с архитектурой Балкан. Ведь, несмотря на связи этих земель с Западом и западной архитектурой, основной вектор их культуры направлен был все же на юг, на Балканы, к Константинополю, Афону, Салоникам, к Сербии.

Архитектура Балкан рассматривается в книге начиная с III в. н.э., когда сопративители Римской империи начали устраивать здесь, вдали от Рима, свои резиденции. Это время автор книги увидел как своеобразную “завязь” оригинальности региона. Далее несколько веков изучены автором достаточно подробно, прослежены местные центры и их особые линии в архитектуре, временно складывавшиеся местные традиции, аккумулирующие как столичные импульсы, так и местные, иногда довольно наивные, иногда достаточно изощренные формы.

Но главным сюжетом книги становится распространение архитектуры от Константинополя на северо-запад. Это распространение можно увидеть как сектор, западный сектор, а историю архитектуры Балкан ранне-, средне- и, частично, поздне-византийского времени – как борьбу в этом секторе столичного и провинциального начал. Столичное начало, идущее из Константинополя, проникает в глубь территории, постепенно упрощаясь, а в провинциальных центрах возникают очаги инертной архитектурной культуры, школы или, как выражается автор, парадигмы, существующие вне столичного влияния (или с минимумом такого влияния).

Менее понятны в книге источники местных школ, особенно в тех случаях, когда они не опираются на желание местных владетелей присвоить себе имперскую идеологию вместе с имперским размахом форм и композиций (как это было в Эпире и дважды, а то и трижды, – в Сербии). Автор внимательно рассматривает особенности греческой школы (подчеркиваем, что само слово “школа” он отрицает), которую он видит как школу фемы Эллада, но все же нельзя до конца понять: был ли здесь иной художественный центр, диктовавший вкусы, отличные от столичных, или мы имеем здесь дело с тем, что можно было бы назвать искусством земли, территории, которая сама по себе, без видимой художественной столицы, порождает особенности вкусов и конкретных форм.

Объясняя свои методологические основания, С. Чурчич специально останавливается на вопросе о национальных историографиях и как будто прямо происходящих из них национальных архитектурных школах. Исследователь декларирует свое уважение к национальным историографиям и национальным ученым, но тут же объясняет свою более широкую позицию: его интересует история архитектуры большой протяженности как географической, так и хронологической. Он выстраивает из десятков городов, сотен храмов, монастырей и крепостей широкую картину, меняющуюся с течением исторического времени. Неизменными оказываются границы областей, включенных в книгу, а потому, с изменением исторических и художественных условий, роли отдельных центров делаются то совсем эпизодическими, то главными.

Следует отметить, что после появления этой книги можно ожидать попыток осветить архитектурные особенности других византийских регионов: прежде всего, конечно, Малой Азии (как своеобразного антипода Балкан в истории и культуре Византии), но и более подробно: островов Архипелага, Кипра, Понта, юго-восточной

части Малой Азии (Киликии, Исвари, Ликаонии, Памфилии и Писидии). Это восточное “полушарие” византийского мира в книге оказывается практически не затронутым (что обусловлено выбором темы и масштабом работы), но Малая Азия, как и Южная Италия, читателем все время сравниваются с Балканами.

Отдельно нужно сказать о количестве материала, собранного и разобранного в книге. Автор рассмотрел сотни памятников, храмов и крепостей, гражданских сооружений. Книга содержит гигантское количество иллюстраций как фотографических, очень высокого качества, так и собственно графических, частично взятых из публикаций, частично перечерченных для большего понимания и большей наглядности. Работа построена по хронологическому принципу и связана логической цепочкой типологии и иконографии, но одновременно она может рассматриваться как свод средневековой архитектуры Балкан: памятникам уделено значительное место, они рассмотрены тщательно, с опорой на всю имеющуюся литературу, они проиллюстрированы в соответствии со своим значением. Начало каждой собственно византийской главы посвящено памятникам столицы, Константинополя, что позволяет оценить как влияние столичной архитектуры в том или ином городе, краю, монастыре, так и степень “отталкивания” от столичности в провинции. Этот прием дает также возможность осветить все провинциальные или региональные варианты объемно-пространственной, плановой или фасадной композиции памятников.

Каждую главу открывают карты с указанием места расположения рассматриваемых в ней памятников, что также помогает ориентироваться в огромном материале, включенном в работу. Нужно сказать, что автор книги не только держит в голове и анализирует обширнейший накопленный материал, но и сумел организовать пространство своей книги так, что читатель тоже охватывает всю сложность, нелинейность, противоречивость, а вместе с тем и богатство форм средневековой архитектуры Балкан. Разделение храмов и других типов построек по периодам и типологическим группам – значительный вклад автора в историю византийской архитектуры. Очень важна и точность описаний, уместный разбор основных форм и мотивов, характеризующий авторский стиль С. Чурчича, стремление поставить памятник или группу памятников в широкий стилевой контекст.

Поначалу в книге С. Чурчича роль западной, латинской традиции (в Далмации) очень невелика и демонстрирует по большей степени отражение византийской системы, но к середине книги ее роль увеличивается постольку, поскольку она несет в саму Византию и в Сербию новые формы и идеи. Видно, как усиливается давление Запада, его сила (в том числе художественная) растет, и Запад не только не уступает Византии в области архитектурной, но почти подавляет ее. Почти лавинообразно растет в последних главах роль турецкой, османской архитектуры, которая рассматривается сразу с двух позиций: как историк архитектуры с широкой перспективой автор книги как будто фиксирует “прилив” и даже “разлив” этой новой традиции, сначала вытесняющей, а потом и прямо сменяющей византийскую традицию, и традиции “околовизантийских” школ Сербии и Болгарии, но вместе с тем как византист, он ищет и находит в османской архитектуре византийский вклад: в системе кладки, отдельных формах и даже пространственных решениях. Одновременно с наступлением османской архитектуры на все большее пространство автор показывает и образцы так называемой поствизантийской архитектуры, иногда довольно сложные, но уже как будто лишённые силы. В последнем разделе, касающемся архитектуры Балкан XVI в., ситуация уже становится сложной, запутанной, архитектурные манеры поляризуются на три устойчивые и, кажется, “несгибаемые” группы: противостоящие друг другу западную (латинскую) и османскую, а также обескровленную, но не утратившую идентичности православную архитектуру райн, иноверческого населения Османской империи. В художественном отношении Балканы, кажется, делаются полем противостояния Запада и Востока (в турецком вы-

ражении), тогда как поствизантийская архитектура представляется все же ушедшей почти в фольклорную сферу.

Выявленная на материале архитектуры поляризация культур (и разных архитектур, конечно же) без малейшего признака окончательной победы той или иной стороны оказывается важной для эпилога книги, в котором рассказывается о трагической судьбе памятников, представляющих все три группы и разрушенных в результате войн, конфликтов, передела территорий и передела самой истории на Балканах. История архитектуры оказывается актуальной в новейшей истории региона, а неакадемический тон последнего раздела звучит определенным диссонансом с научным содержанием книги, однако позволяет понять актуальность различия древних традиций в условиях сегодняшнего дня.

Попытку создания большой региональной истории архитектуры, предпринятую Слободаном Чурчицем, можно считать удачной, перед нами необыкновенная книга, архитектуроведческий аналог “больших” историй Византии. Этот жанр, сейчас уже редкий, в области истории архитектуры тем более редок, поскольку предполагает трудное сочетание широты и детальности. И хочется подчеркнуть, что созданная в этом редком жанре книга не разваливается на ряд частных очерков и экскурсов, книга “держит” большой масштаб исследования, позволяет, вслед за автором, подняться над деталями и взглянуть на историю архитектуры с искусствоведческой высоты.

Вл.В. Седов